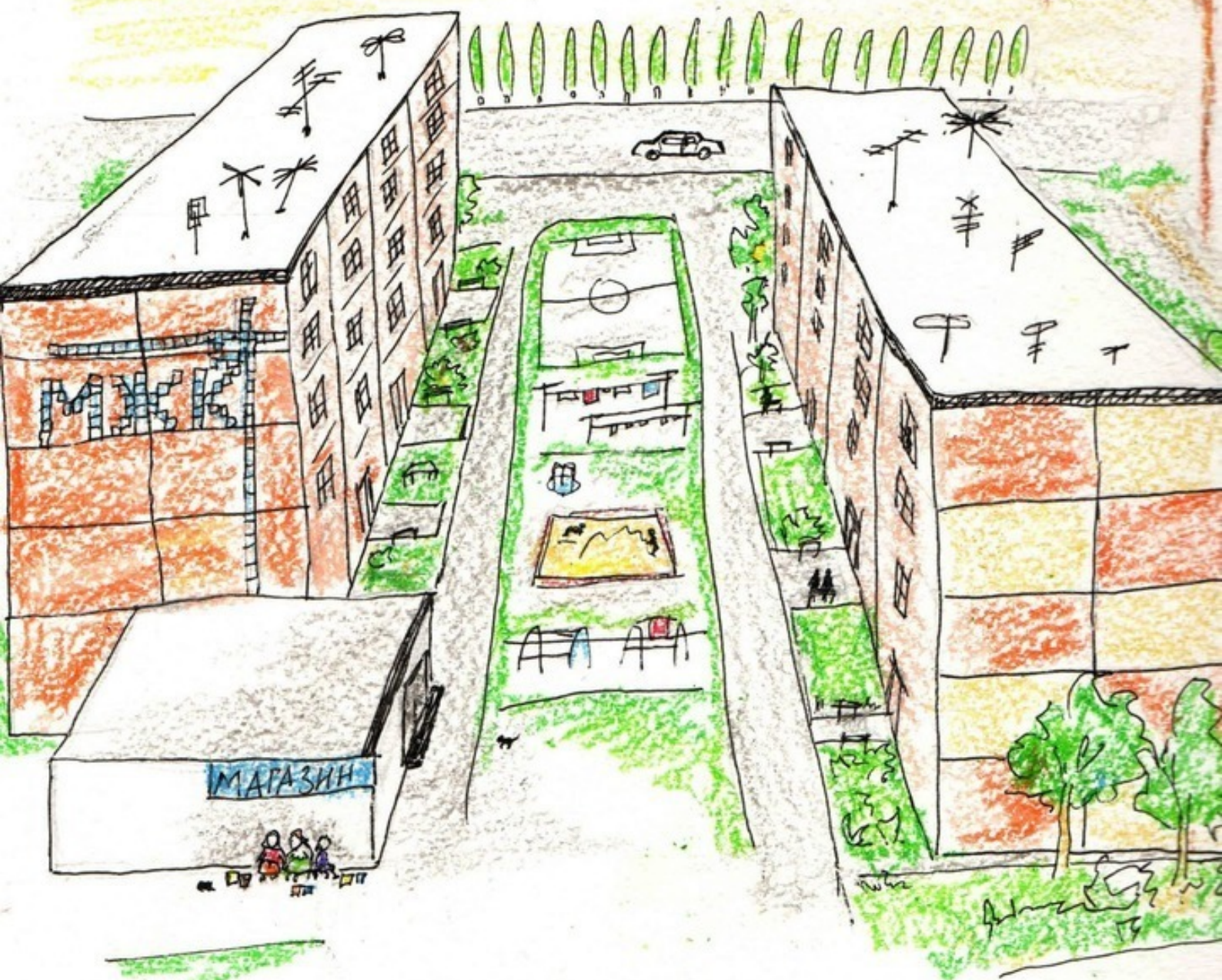

Елена Капитанова

ПРЯНИК В РУКАВЕ

Елена Капитанова

Пряник в рукаве

«Издательские решения»

Капитанова Е.

Пряник в рукаве / Е. Капитанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984122-3

Второй персональный сборник автора. В книгу вошли рассказы, основанные на воспоминаниях детства, семейных историях, жизненных наблюдениях и случаях из журналистской практики. Автобиографические сюжеты в них переплетаются с вымыслом, а реальные герои с собирательными образами.

ISBN 978-5-44-984122-3

© Капитанова Е.
© Издательские решения

Содержание

Дорогой читатель!	6
Китель	7
Северяне	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пряник в рукаве

Елена Капитанова

Корректор Людмила Алексеевна Шевелёва

© Елена Капитанова, 2020

ISBN 978-5-4498-4122-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель!

В этой книге собраны рассказы, которые объединяет одна особенность. Каждый из них создан из осколков воспоминаний, впечатлений, опыта реальных людей. Много в них и из моей памяти – детства, юности, вчерашнего дня. Я не выдумала какой-то особенный мир. Всё в них знакомо – вещи, места, характеры. Особенно знакомо тем, кто вырос в девяностые, вырослел в нулевые и всё же остался немного ребёнком в наше время гонки за успехом, жизни в кредит, одиночества в бесконечном потоке общения в сети. Я буду рада, если вы узнаете в этих текстах себя, своё время, друзей и знакомых. Хотя, конечно, я об этом не узнаю, если вы мне не напишете. Так что заглядывайте ко мне в соцсетях. Я легко нахожусь по имени и фамилии. Поболтаем, а может быть, вы расскажете мне свою историю, а я аккуратно, чтобы не помять, разберу её на лоскутки новых сюжетов. Это моя первая книга прозы. Так что постарайтесь читать её как-нибудь особенно вдумчиво. Всё-таки у нас с вами это в первый раз.

С любовью, Елена Капитанова

Китель

Выпростанные из-под байковой простынки пятки приласкали тёплые лучи солнца, и последний сон вышел таким же тёплым. Нагретый жёлтый песок узкой тропинки вдоль бескрайнего поля одуванчиков. Жёлто-зелёная рябь по самый горизонт. Сплести венки, да руки и платье измаруются в горьком коричневом соке. Не смыть – не отстирать. Мама наругает. А всё равно охота.

– Тише, дедко, Алёнушку разбудишь!

– Ну лешак!

От кастрюльного звона и дедушкиного ворчания одуванчики слипаются в сплошное жёлтое. И вот перед глазами уже никакое не поле, а любимые жёлтые шторы, которые сквозь выпукло-вогнутый рисунок сверлит весеннее солнце, протискивается вдоль стены, тянет ко мне прозрачные свои ладошки. И на душе как-то особенно тепло и радостно от этих лучей и оттого, что каникулы, и ещё от чего-то хорошего. А от чего, спросонья и не вспомнить. «Димка! – вдруг понимаю я. – Димка сегодня приезжает!»

Димка – двоюродный брат, и сегодня он, возвращаясь из армии, по пути заедет к нам погостить. И дедушка отправился на станцию его встречать. Димкой я восхищаюсь до обожения. Во-первых, он взрослый. Он вдвое меня старше, ему целых двадцать лет. Во-вторых, он из Сибири, далёкой и манящей, где я родилась, и куда мы с мамой никак не поедём. А в-третьих, он моряк-подводник, как дядя Валера, который лучше всех, и к которому я в два года сразу пошла на руки, хотя вообще-то боялась незнакомых. И у Димки тоже есть тельняшка и бескозырка, и ремень с якорем. Димку все любят, потому что он добрый и простой, не придирается к словам, и не ищет подвоха. И даже в армии, которой все боятся, потому что там бьют и отбирают посылки, он со всеми подружился.

Иринка, старшая сестра, ещё вовсю дрыхнет на второй половинке раскладного дивана, завернувшись, как в кокон, в стежёное ватное одеяло. Это в такую-то теплынь! Скорее-скорее вставать, чтоб уже начался этот чудесный день!

– Уже соскочила? – ловит меня в коридоре бабушка, и я замечаю, что на ней парадный фартук с узором под хохлому, – Иди ещё понежься.

Но нежиться в постели мне совсем не хочется. Наскоро натянув списанный в домашнее голубой костюм, шорты с футболкой, усаживаюсь к письменному столу, нашему детскому, общему с сестрой. Но как бывает всегда в минуты ожидания, найти себе занятие не могу. Грызу карандаш, качаюсь на стуле, забравшись на него, как на насест, с ногами. Воображаю себя акробатом. По обыкновению тех скромных лет, на стол уложено стекло для защиты лаковой поверхности. Под ним для красоты лежат открытки, а для удобства – расписание уроков и таблица умножения. И тут я замечаю на стекле необычный предмет – маленькое, выпуклое прозрачно-белое солнышко. Это капелька канцелярского клея. Она, наверное, ещё вчера упала на стол, причудливо расплылась и застыла за ночь. И столько во мне радости, что это хрупкое творение случайности я воспринимаю как знак, как символ этого удивительного солнечного дня. Аккуратно отделив от глянцевой поверхности, прячу в мой, верхний, ящик стола и прикрываю тетрадками. Взрослые не поймут, скажут «хлам всякий собираешь». Это для них смех, как мои не такие уж давние предположения, что кукла, может быть, живая, ведь она ночью чудесным образом поменяла позу.

Когда Димка приезжал в прошлый раз, в увольнительную – это так у них в армии называются каникулы – я ещё играла в куклы вслух, рассадив их в кресле. Димка смеялся, вставлял в игрушечный разговор шуточные фразы, подражая моему голосу, и особенно хорошо озвучивал резиновую Бабу Ягу, всегдашнюю нарушительницу кукольного спокойствия. Но это было

не обидно, а наоборот, весело. Теперь я играю в куклы «про себя» и не на виду, в нише, где спит мама, а с тех пор как потеплело, ещё и на балконе. Я теперь взрослая.

Резкий звонок разбудил Иринку. Она села на кровати, помизгала сонными глазами и улыбнулась. А я уже висела на дверном косяке прихожей, ковыряя отколовшуюся в одном месте прошлогоднюю белую краску, из-под которой виднелась зелёная – государственная. Вот странно, я так ждала Димкиного приезда, а когда увидела его на пороге, растерялась и не нашлась, что сказать. И мне на секунду показалось, что на этот раз передо мной совсем не тот наш добрый и домашний Димка, а какой-то новый и чужой человек. Я представляла себе, что он войдёт гордый и довольный, в нарядном мундире, улыбаясь во всю ширь, как на фотографии, которая с прошлой весны стоит у нас в серванте. Но Димка был в обычной коричневой куртке и выглядел растерянным.

Бабушка тут же заключила Димку в объятия, стремительно увлекая его в домашнее тепло из серо-зелёного сумрака подъезда, будто забирая навек из другой, армейской, жизни. Тщетно пытаясь дотянуться поцелуем до его щеки, она, в конце концов, чмокнула его в щеку, с поезда, подбородок.

– Ципушечка моя, похудел-то как!

Но поток бабушкиной нежности прервал раздосадованный голос дедушки:

– Это ж надо, сумку украли! – проворчал он с порога. – Чужим людям оставить. На вокзале-то всё ташат. Не знает ли, чё ли?

Димка стоял понурый и не оправдывался. Но и дедушка напирал не особенно, больше по инерции. Видно, он уже растратил пыл при встрече, услышал ответы и оправдания, а сейчас повторял для бабушки. Когда последняя, уже слабая, волна дедушкиной досады отхлынула, и все уже теснились за кухонным столом, Димка рассказал всё по порядку:

– У меня три сумки было. Большая и две поменьше. Я в Москву как приехал, думаю, гулять не пойду, буду сидеть на вокзале. Таскаться с ними тяжело, а в камеру – дорого. А в зале ожидания с ребятами разговорились. Они в Москве были на заработках, как раз домой возвращались. Да говорят, толком ничего не заработали, обманули их там. Хорошие, вроде, ребята были, разговорчивые.

– Да уж, хорошие, – не выдержал дедушка. – Уголовники поди. Урки!

– Тихо, дедко, не шуми, дай дорассказать, – вступилась бабушка.

– Дак вот, до поезда час, а в туалет с тремя сумками не пойдёшь. Я и попросил ребят покараулить. Ну вот. Вышел, ни парней, ни сумок. Я туда-сюда – никто ничо не знает. Старушонка одна видела. Говорит, как поезд объявили, они и пошли со всей толпой. И мои вещи прихватили. Хорошо ещё деньги и документы в маленькую сумку положил. Она при мне и осталась.

– Слабох, – выдохнула бабушка.

– И бескозырку туда же сверху пристроил. А китель и брюки-то я в большую сложил, поверх всего, чтоб не измять. Думал, поеду в штатском, а, как буду к вашей станции подъезжать, переоденусь. У нас так все ребята делают. Жалко, – вспомнил вдруг Димка. – Альбом туда же ушёл... Ничего почти на память не осталось. И домой охота было в форме приехать.

Приезд к нам для Димки был как бы репетицией. Настоящая встреча из армии его ждала дома, где вся деревня будет обсуждать его возвращение. Как вошёл, да что сказал, да как мать обнял, да как был одет. Возвращение без парадного мундира, наверняка, вызвало бы долгие пересуды, а причина его пропажи и вовсе могла навсегда сделать парня простофилей в глазах сельчан. Больше всего не хотелось позориться перед соседями. Репетиция провалилась.

– И работы жалко – сколько сил вложено. У меня ведь китель самый нарядный был, я его знаете, как украсил. Дембельская форма – она ведь не то, что обычная, у каждого своя. Тут выдумка нужна, умение.

По дороге из Москвы Димка уже успел рукой махнуть на свою пропажу, а здесь, под сочувствующими взглядами родни, совсем расстроился:

– А может, так как-нибудь... Фуражку свою наденешь, тельняшку тебе на базаре купим, – робко вмешалась бабушка, не упуская случая подложить внуку оладушку.

– Дак у меня же ещё один китель остался, – вдруг просиял Димка, – Только без ничего, не украшенный. И брюки такие же. Я их позавчера на складе выменял. Ребята подсказали. А в те две сумки они не влезли уже, я в третью запихал. Помял, правда. Да уж ладно. Китель-то добрый. Думал, носить буду, не в люди, так хоть так, в стайку. А штаны Максимке можно перешить, в школу истаскает. Так я теперь себе такую форму сделаю, ещё лучше. У вас шнурок белый есть?..

В следующие три дня все дела и заботы были заброшены. Все шкафы в доме выпростили подчистую, а их содержимое подвергли тщательному досмотру. Искали ленты, шнурки, пуговицы, белую и золотую краску, фольгу, картон и ещё не весть что. Главарём в этом домашнем перевороте был Димка. Только он точно знал, как должна выглядеть настоящая флотская форма. Правда, мама умудрилась в глубине книжного шкафа, где книги стояли в два ряда, отчего часто терялись, отыскать брошюрку с фотографией моряков в парадной форме. Но Димка их раскритиковал. Выглядели они уж больно скромно, аксельбанты совсем тоненькие, без кистей, зато с какими-то заострёнными палочками, которые уж точно негде было достать.

Самым ценным участником нашей команды оказалась Иринка. Она умела шить, рисовать, аккуратно вырезать из картона, плести макраме, что очень пригодилось, когда делали те самые аксельбанты. А ещё у неё обнаружился красный гляцевый лак для ногтей, оказавшийся незаменимым для нашивок на рукава. Правда после высыхания он выглядел скорее малиновым, но решили, что и так сойдёт, другого не было. Мама приходила с работы только вечером, бабушка пропадала на кухне в бесконечном стремлении откормить внука, чтоб не стыдно было отправить к родителям. А от меня пользы было, как от кармана на спине. Я всё время вертелась под ногами, во всём участвовала, но толком делать ничего не умела. В итоге меня назначили посыльным к бабушке:

– Баба, а эти нитки можно взять? – кричала я ещё с полдороги на кухню. – А эту железяку? А где маленькие ножницы? А иголки с петелькой?

Бушлат и брюки в неестественной позе лежали на диване. Всё найденное, склеенное, покрашенное поочерёдно к ним прикладывалось для оценки общей картины. Выглядело нарядно.

– Мы из брюк делали клёш, брали лишнюю пару и вырезали из неё клинья, – инструктировал нас Димка.

Лишней пары у нас не нашлось, похожей ткани тоже. Старые дедушкины брюки были чуть-чуть светлее, бабушкин костюм отливал коричневым, а мамино пальто было жалко. В итоге решили обойтись без клёша. Дедушка, оторвавшись от «Парламентского часа», который никогда не пропускал, предложил пришить генеральские лампасы – как раз нашлось три метра красной атласной ленты. Но Димка от таких экспериментов отказался наотрез. С пуговицами тоже вышла заминка. С якорями не было ни дома, ни в магазине. Из металлических нашлись только две с полосками и шесть объёмных, блестящих, с львиными мордами. Пуговицы были красивые, решили пришить – будто так и задумано.

К вечеру третьего дня на «плечиках» в большой комнате висел дивной красоты китель. И шнурки, и нашивки, и погоны с буквой «ф», белое, красное, золотое – всего на нём было в избытке.

– Мама, мама, мы Димкину форму доделали.

Мама сняла в прихожей туфли и в плаще прошла в комнату, улыбнулась одними глазами.

– Умнички!

– Да ты надень, посмотрим, – догадался дедушка.

В кителе Димка был нарядный, как ёлка, так что хотелось водить вокруг него хоро-вод. Наверное, какой-нибудь пожилой капитан, увидев его в таком красочном наряде, нахму-рился бы и проворчал «раз-звели бар-рдак». А может быть, наоборот, улыбнулся и понял, что эта дембельская форма, совсем не похожая на будничные камуфляж, на самом деле – ниточка, связывающая ребят с домом. Она кажется нелепой в унылой казарменной реальности, лишь потому что она предназначена для другого – для того дня, когда вчерашнего солдата окружают друзья и родные, когда накроют стол и будут танцевать, когда знакомая девушка заглядится на него, нарядного, и зальётся румянцем, поймав его взгляд. Понял бы и вспомнил себя моло-дого, и улыбнулся бы.

– Фотографироваться будем? – спросила мама, и мы с Иринкой побежали доставать нарядные платья и переодеваться. В плёночном «Кодаке» оставалось целых четырнадцать кад-ров, и мы фотографировались с Димкой все вместе, а потом все по очереди. Я хотела выглядеть на фото серьёзной, но Димка меня смешил, и я, не в силах удержать улыбку, кусала щёки. Так и вышла на снимке с прикушенными щеками. В груди щекотало от радости, и уже понемногу, исподволь подступала грустинка, оттого что послезавтра Димка уедет.

– Сумки-то больше не теряй, – сказал дедушка на станции, а хотел сказать, что очень жаль расставаться.

С того смешного времени прошло много лет, солнышко, спрятанное в ящике стола, рас-сыпалось в пыль, ведь оно было всего лишь каплей клея. Димка пережил тяжёлую болезнь, стал молчалив и задумчив. Когда мне было семнадцать, он подарил мне Библию, и сказал, что это хорошая книга, но я думала о другом, и не умела говорить по душам. Потом у него появи-лись жена и дети, и видаться мы стали редко, а при встречах не вспоминали прошлого. Только почему-то я думаю, что для него, как и для меня, то время последних дней ускользающего от него детства было самым счастливым в жизни.

Северяне

Я с детства училась понимать, что все люди разные, и что «плохо» и «хорошо» каждый толкует по-своему. Что для одного жадность, для другого – запасливость. Один назовёт нервным, другой – темпераментным. Кто-то оценит: «Чистая душа». А кто махнёт рукой: «А, простодырый!».

Когда я ещё пешком под стол ходила, моя семья переехала из сибирского села в южный городок. Бабушка-то с дедушкой ещё задолго до того задумывали провести преклонные годы в тёплом климате, а мама сорвалась в последний момент. Так мы и перебрались впятером в незнакомые края: дедушка, бабушка, мама, старшая сестра Иринка и я.

Наш дом, панельная новостройка, в городе оказался последним. За дорогой, вдоль улицы, тянулось бескрайнее пшеничное поле. Правда, позже у поля нашёлся край, за ним оказалась ещё дорога, а за ней луга, куда мы ходили за земляникой, а дедушка – за коровяком для дачи. Ещё дальше, за лугами, если прищуриться, в солнечный день можно было разглядеть светлые крыши деревни, в которой мы никогда не бывали. Под нашими окнами, дальше по улице, строился типовой советский детсад в два этажа. За ним стояла половинка дома из серого силикатного кирпича, на которой, как муравьи в касках, копошились строители, а чуть дальше, где дорога делала поворот, только-только заложили фундамент ещё одного дома. Оттого на всех моих детских рисунках рядом с домиками красовались строительные башенные краны. Надо сказать, тот второй дом так и бросили: двадцать лет, он стоял на обочине, пугая пустыми глазницами. А может быть, и не надо говорить... В том счастливом 1989 году казалось, что впереди всё только хорошее.

Рядом с нашим новым домом стояла другая такая же пятиэтажка, построенная чуть раньше. Хотя как сказать... Такая же, да не такая. На боковой её стене, обращённой к центру улицы, там, где не было окон, цветными плитками были выложены гигантские буквы «МЖК», что означало «Молодёжный жилищный кооператив», а рядом с буквами – подъёмный кран. Наш дом был не молодёжный, поэтому на его стенах такая же цветная плитка была уложена ровными рядами, без излишеств. И от этого было немного обидно и даже завидно. Вот бы этот дом был наш. Или пусть бы и на нашем доме тоже что-нибудь выложили. А ещё к соседней пятиэтажке был пристроен магазин. Взрослые называли его «Эм-же-ковский» за принадлежность к кооперативу, а мы, дети – «мужиковский» или просто «наш». Оба дома смотрели друг на друга, и двор был общий.

В «эмжековский» дом, как и положено, въехали молодые семьи с детьми, давние жители городка, а в наш – все в перемешку: одинокие и семейные, молодые и пожилые, городские и деревенские. Местных густо разбавили приезжими из Сибири. Думал ли тот кабинетный деятель, который распределял квартиры, сколько волнений и недоумений, тревог и разочарований порождает он, бездумно ставя галочки напротив фамилий: Колесниченко, Осокин, Решетило, Русанов, Ханин, Шевелёв, Шумахер? Какую гремучую смесь характеров, взглядов, жизней замешал невольный вершитель судеб в этой новенькой панельке, где сквозь тонкие стены слышались чужие разговоры, ругань, песни, плачь и даже уханье совы на чердаке.

В первые же дни все приезжие из-за Урала перезнакомились, узнали, кто откуда, поискали в памяти общих знакомых, не нашли, но и не расстроились. Заглянули друг к другу в гости, смеясь и перешучиваясь, заметили, что можно было и не ходить, всё равно квартиры одинаковые – кухни пополам бело-зелёные, комнаты – в одинаковых охристо-болотных обоях. И наконец, сами себе придумали название – «северяне». Местные смотрели на северян с недоверием, чуть исподлобья. Не такие они. В чём эта «нетаковость», сразу и не скажешь, а в глаза так и лезет. Северянина от местного за версту отличишь: идёт, головой вертит, всему улыбается, на всё – ох да ах. Простая абрикосина во дворе растёт – а он уж рот разинул «красота-а»,

на базаре всё подряд хватает, спелое, зелёное – не разбирает, и опять всему рад-радёшенек. Не торгуется. Ясное дело, при деньгах. В подъезде встретишь – ту же песню заводит, всё ему хорошо да дивно.

А нам и впрямь всё было на диво. Кто-то приехал из дальней деревеньки, в которую добраться можно лишь по воде или по воздуху, кто из города, а полжизни прожил в балке – железном вагончике, кое-как обустроенном на домашний лад. Жизнь не избаловала. Да и те, кто из квартир, радовались теплу и солнышку, свежим фруктам и возможности гулять в лёгких рубашках, не отмахиваясь от назойливых комаров и мошек.

– Надёжа! Тут – благодать! – восхищался дедушка по телефону. – Все дороги подчистую – в асфальте. Резиновые сапоги хоть выбрасывай – не жалко. Кран откроешь – вода, какая хочешь: горячая, холодная. Туалет тёплый, газ подведён, батареи, обои наклеены, всё побелено – заходи и живи.

Местные наших восторгов не разделяли. Придирчиво осматривали комнаты: где-то плитка с трещиной, где обои от стены отстали, где кран капают, и почему у соседей стекло в двери матовое, с узором, а у них – простое. Украли? Ругались с рабочими, хитрили, уговаривали, сулили деньги или чекушку, торговались и всё-таки добивались замены на лучшее, новое, не хуже соседского.

«На новом месте приснись, жених, невесте», – шутила бабушка, глядя, как мы с Иринкой, довольные, устраиваемся на матрасе, расстеленном на полу – контейнер нас ещё не догнал. Да и вещей в нём было немного: только самая нужная мебель да домашняя утварь на первое время. Уезжая из деревни, бабушка с дедушкой почти все вещи раздали родне. Разошлись по деревне ведра, кадушки, разные грабли-лопаты, дедушкины рыболовные снасти, посуда. Это было принято, так же как отдавать молодым родителям из числа знакомых одежду, из которой выросли дети. Вещи не хранили, да и не очень-то дорожили ими. Знали, родится малыш – родные и друзья принесут целый ворох хорошо постиранных, добротных пелёнок-распашонок. Правда, в спешке переезда оставлена была и коробка старинных ёлочных игрушек, дорогих сердцу, о которых мама ещё долго сожалела.

Северяне в первые дни с азартом бегали по магазинам, показывая друг другу самые удачные покупки. Мы отхватили серо-голубой шерстяной ковёр и белые с зелёным табуретки. В подъезде под лестницей поселились велосипеды и детские коляски, в отверстиях одинаковых почтовых ящиков стали белеть свежие газеты. Всё было новенькое, чистое, блестящее, пахнущее краской и новостями.

Местные свозили в квартиры мешки, тючки, свёртки, набитые домашним скарбом, часть которого тут же складировалась на балкон на вечное хранение. Вещи свои они берегли, ревниво поглядывая: как бы кто не стибрил. Здесь же хлопали пыльные ковры, привезённые из прежнего жилья, просушивали на солнце подушки. В соседнем дворе, прямо у детской площадки ошипывали кур, которых, покидая ближнее село, не успели продать.

– Чи дюже богато живёте? Шо не замыкаетесь? – пробормотала соседка Нина Семёновна, из местных, просунув седую голову в просвет нашей двери, которая по сибирской привычке была не плотно прикрыта. Любопытно обвела глазами обстановку и деловито притворила дверь.

– Здравствуйте, – крикнул ей вслед дедушка, но странной гостьи уже и след простыл.

– Чо сказала? Половину не поняла, – удивилась бабушка.

– Богато мы живём, говорит. Да где же богато? Обыкновенно, – пожал плечами дедушка. – Хоть бы уж поздоровалась.

– «Чи» – это по-здешнему «наверно», – вспомнила мама.

– А «дюже»?

– Не знаю. Наверное, от слова «дюжина»...

На следующий день пришёл наш контейнер. Весело было сидеть на диване у подъезда и болтать ногами, пока взрослые сутились вокруг, заглядывая в тюки и коробки.

– Ребятки, – наклонился дедушка к двум мужичкам, маявшимся от безделья на ближайшей скамейке, – помогите диван на четвёртый этаж затащить.

– За скока? – пробурчал исподлобья тот, что постарше, с пшеничными усами.

– Чо? – не понял дедушка.

– Поторгуемся? Не даром же горбатиться, – весело пояснил молодой, сияя ожиданием скорой прибыли.

– Да вы чё! – оторопел дедушка. Бабушка, ловко приклонив к дереву свиток ковровой дорожки, вмиг метнулась к нему, готовая остановить бурю. Уж она-то знала, что за простоватыми дедушкиными манерами скрывается взрывной нрав. Но дедушка лишь махнул рукой и пошёл к дому.

– Алёша, ты не переживай, у здешних, у них всё так – без копейки не пошевелятся, – утешала его широкую спину бабушка, не поспевая за дедушкиными шагами, – Давай к Семёну сходим, он сам давеча говорил: если нужно что, поможет.

– Не, ну и наглёж, – пробурчал усатый мужик, когда дедушка скрылся в подъезде. – Я ему кто такой – задарма работать.

– Мы ему не нанимались, – поддакнул второй.

Вечером приехавший в контейнере стол накрыли белой скатертью, а сверху, бережливо, – прозрачной клеёнкой и уставили новыми тарелками. Помощников, по обычаю, следовало вкусно угостить, да и рюмочку предложить – как без этого. Северяне сидели на новом диване: женщины – на подушках (диван был низковат), а мужчины – так. Нахваляли бабушкин рыбный пирог, смеялись, шутили.

– Приезжие всё гуляют, всё песни поют, – с осуждением рассказывала утром Нина Семёновна соседке снизу, косясь на нас, играющих на площадке, – А чё гуляют? Будто праздник какой?

– Дрались?

– Не, от них не дождёшься. Скучный народ.

– Ой, не говори, Семёновна. Всё втихаря, всё втихаря. На улице – и то шепчутся. Шо скрывают от людей-то?

Местным казалась странной наша манера разговаривать вполголоса. А мы с удивлением смотрели на двух соседок, которые, стоя в разных концах автобуса, громко переговаривались о таких делах, которые, нам казалось, и вовсе не для постороннего уха.

– Пятровна, шо муж-то твой злой, как собака?

– Ой, не говори... У самой сил нет... Геморрой его замучил. И мы света белого не видим.

– Да ты шо? А ты его тёртым луком лечила?

– И луком мазала, и картохой сырой натирала и хреном тёртым мазала. Только продукт перевела...

Старшие давились смехом, а тётка невозмутимо продолжала увлекательную беседу. Бабушка кусала щёки, стараясь удержать серьёзное выражение лица, а я, не зная по малолетству упомянутого медицинского термина, вопросительно дергала её за рукав.

– Ох ты, ох ты, кака гарна дивчина! И платье-то у неё красное, и сандалики, – громко, видно, стараясь угодить, похвалила меня Нина Семёновна, встретив нас с бабушкой на остановке. – На-ка тебе цукерку.

Я тыкалась лицом в бабушкин подол и конфету не брала. Бабушка строго посмотрела на соседку: «Спасибо, не нужно, Алёнушка недавно покушала», – и поспешно повела меня домой. Нина Семёновна смотрела нам вслед с горькой обидой.

– Нет, ну надо же, кто ж так делает? – сокрушалась бабушка дома, – На всю улицу-то зачем кричать? Ну ей-богу сглазит. Я хоть булавочку-то тебе приколоть не забыла? – добавила

она, поспешно отвернув мой воротничок. – Слава Богу, на месте. И хоть бы сказала путём – «хорошая девочка», а то не поймёшь, то ли похвалила, то ли обругала. Глаз у неё нехороший, сразу видать.

Громкая, нарочитая похвала казалась почти проклятием бабушке, привыкшей, что слова одобрения должны звучать скромно и негромко, да ещё с оговоркой, да с постукиванием по дереву, да и то, если есть повод. А красота и здоровье – природой даны. За что тут хвалить? Но всё бы забылось, да только на следующее утро я заболела – кашляла и швыркала носом. И никакие логичные доводы, что виной всему внезапно испортившаяся погода и съеденный не вовремя стаканчик мороженого, не разубедил бы бабушку в том, что Нина Семёновна – колдовка. А соседка здоровалась с нами сквозь зубы и глядела недобро, всем своим видом лишь усугубляя впечатление. Да тут ещё одно событие приключилось.

Ещё на первом собрании жильцов кто-то предложил поделить участок земли между домом и детским садом на участки. Кто захочет – может устроить там небольшой огород. Так делали жильцы некоторых соседних домов: с фасада всё честь по чести, по-городскому – лавочки, клумбы, а позади дома – лучок, морковочка, а у кого и помидорки. Деревенские жители, истосковавшиеся по «своей зеленушке», дружно поддержали идею. Председатель домоуправления, невысокая юркая женщина, тут же принялась записывать желающих в тетрадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.